

Степанова О.Б., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия)

К ИСТОРИИ УПРЯЖНОГО СОБАКОВОДСТВА СЕВЕРНЫХ СЕЛЬКУПОВ

Статья посвящена изучению упряжного собаководства северных селькупов. Эта тема до сих пор остается белым пятном в этнографической науке, что подчеркивает ее научную новизну. Исследование проводилось в рамках актуальной практической задачи сохранения традиционной селькупской культуры и помощи современным народам Севера в поиске новых форм этничности. В качестве исследовательских инструментов применялись анализ, описание, метод исторической ретроспективы и полевая работа. Исследование строилось на данных научной литературы и полевых материалах автора. В задачи исследования входило прояснить исторические особенности упряжного собаководства – собственно ездового и грузового – у двух групп северных селькупов – туруханской и тазовской. В результате исследования были сделаны следующие выводы. Было установлено, что на собачьих упряжках остяки совершали семейные перекочевки на промысловые угодья и объезды поставленных на зверя ловушек в середине XIX в. и ранее. К началу XX в. ни у тазовских, ни туруханских селькупов собственно ездового собаководства уже не было. С упряжным собаководством северные селькупы, вероятно, были знакомы давно и привезли его с исторической родины при переселении на Север. Его исчезновение, предположительно, связывается с развитием у них оленеводства, заимствованного у новых соседей – ненцев, а также, отчасти, дороговизной хороших упряжных собак. Материалы свидетельствуют, что в начале XX в. собаку использовали только туруханские селькупы и только для перевозки грузов. У тазовских селькупов для перевозки людей и грузов использовались олени. Безоленные или малооленные бедняки, восполняя недостаток необходимых им оленей, брали их взаймы у зажиточных родственников за долю в пушной добыче. Современные информанты с Таза утверждают, что тазовские селькупы никогда раньше не ездили на собаках и не возили на них грузы, также не было у них ручной нарты.

Ключевые слова: северные селькупы, тазовские селькупы, туруханские селькупы, упряжное собаководство, история упряжного собаководства, оленеводство, породы северных собак.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-03-124-130

Собака в системе жизнеобеспечения северных селькупов занимает важное место. Она принимает участие в охоте, значительно повышая ее эффективность, исполняет сторожевые обязанности, защищает хозяина и его движимое имущество. В период, когда в селькупских совхозах практиковалось крупностадное оленеводство, собака выполняла пастушеские/оленегонные функции. В статье рассматривается пятая функция селькупской собаки – ездовая или упряжная/тягловая.

Упряжное собаководство селькупов до сегодняшнего времени не сохранилось. Исследовательской работы по нему нет, разрозненные сведения о селькупских упряжных собаках содержатся в трудах старых авторов – А.И. Андреева [1], Маслова [5], П.И. Третьякова [15], П.Е. Островских [6], К. Доннера [3], В.Н. Скалона [9], Г.Н. Прокофьевой [7] и др. Изучение этого утраченного и до сих пор неопisanного элемента традиционной селькупской культуры имеет особую ценность для фундаментальной науки и решения актуальной сегодня задачи сохранения культурного наследия коренных

малочисленных народов Севера.

В качестве инструментов исследования применялись анализ, описание, метод исторической ретроспективы и полевая работа¹.

В досоветское и раннее советское время упряжное собаководство было весьма широко распространено среди народов Туруханского края, включая селькупов. В описаниях этого явления у старых авторов часто не определяется этническая принадлежность, старым термином ‘остяки’ в них одновременно называются селькупы и кеты, или самоедами обозначаются селькупы и самодийцы северных «пределов» края. Однако отсутствие четкой этнической привязки не создает помех данному исследованию, так как означает, что описываемые качества упряжного собаководства были одинаковы для нескольких народов.

Самое раннее из известных автору упоминаний о ездовом собаководстве народов Туруханского края относится к 1782 г. и принадлежит капитану-исправнику Баширову. «Описание о жизни и упражнении обитающих в Туруханской округе разного рода ясачных иноверцах» Баширова, где содержатся эти

© Степанова О.Б.

© Stepanova O.B.

¹ Исследование координировалось с результатами одиннадцати экспедиций автора к северным селькупам, вошедшими в ряд публикаций [10, 11, 12, 13, 14 и др.] по различным вопросам селькупской системы жизнеобеспечения, в том числе касающимся собаководства.

сведения, было составлено по требованию Туруханского наместника по запросу Академии наук, собиравшей тогда сведения о народах государства российского [1]. Баширов пишет: «Остяки для перевозки своих чумов и домового экипажа имеют собак, а тунгусы и самодеды оленей, якуты для езды на промыслы имеют собак и оленей» [1, с. 88].

Первые более-менее детальные данные об остяцком упряжном собаководстве приводятся полковником Масловым в журнале «Заволжский муравей» в 1833 г. «В исходе декабря каждый старейшина (остяцкого – О.С.) семейства едет со своими домочадцами на ловлю зверей в нескольких нартах, запряженных собаками от 7 до 13-ти по две в ряд с одною впереди, которая называется передовою. Близ Туруханска и на тундре <...> промышленники употребляют собак <...>, на коих перебегают по 200 верст, приостанавливаясь один раз для покормки; каждой достается в дялянку по две рыбы: но они могут переносить голод по 8 и даже 12 дней» [5, с. 515]. По сведениям Маслова, наиболее ценными среди промышленников считались передовые собаки, привязанные к своему хозяину настолько, что возвращались к нему вместе со всей упряжкой, если тот выпадал из нарты: «Она бежит беспрестанно оглядываясь к своему хозяину, и ежели заметит, что он вываливается из саней: то, не в силах будучи остановить задних пар, начинает исподволь на всем бегу делать круги, и, увлекая за собой задних, набегают на хозяина. Такие собаки называются оборотятными и стоят иногда 50 белых песцов» [5, с. 515-516].

П.И. Третьяков в труде «Туруханский край, его природа и жители» посвящает туруханскому упряжному собаководству несколько страниц, его сведения относятся к середине XIX в. [15, с. 237 -240]. Согласно сведениям Третьякова, собака оказывает туруханским жителям незаменимые услуги — она не только стережет его жилище и оленья стада, «но и в езде едва ли не полезнее оленя». Третьяков сообщает, что порода сибирских собак с длинной шерстью встречается в Туруханском крае редко и имеет примеси; у туруханских собак рыло острое, шилообразное, рост большой, уши приподняты. У инородцев, кочующих в северных широтах края, собаки небольшого роста и отличаются мягкостью длинной пушистой шерсти. Животные эти кротки, терпеливы, чутки и так сильны, что многие из них смело бросаются на волка [15, с. 237 -240].

Готовясь к дальнему переезду, жители оставляют собак без корма несколько часов, от этого они делаются легче, послушнее и крепче, а также «избавляются от опухоли и трещин на подошвах». Упряжь собаки состоит из одного из одного кожаного или холщового ремешка («алыка») в виде петли, который надевается около задних ног на «поджарую» часть туловища; от «алыка» через задние ноги пропускается постромка (ремень) и привязывается к барану нарты. К передовой собаке не привязывается уздечка и вожжи; она останавливается или поворачивает по приказу хозяина: «так при слове «пост» она поворачивает вправо, слово «нра» заставляет ее идти влево, при крике «та» собака останавливается, а соскочивший с нарты седок тотчас останавливает свой легкий экипаж посредством небольшого кола, имеющего острый железный наконечник. Тормаз (торило) всегда находится привязанным к нарте». В начале пути собаки бегут борзо без всяких понуканий; «остановки возбуждают в них одно только нетерпение». Промысловик, осматривая свои ловушки на двух хороших собаках, делает в сутки до 60 верст и более [15, с. 237 -240].

В описании рабочих качеств упряжных собак Третьяков обращает внимание на важную роль передовой собаки. «Для таких поездок, совершаемых по северным тундрам в туманную или сумрачную погоду, передовая собака должна быть старая и опытная. Бестолковая собака, встретив на дороге свежий звериный след, бросается стремглав, теряет дорогу и нередко затаскивает седока в овраг. Бывали случаи, что во время остановок собаки, испуганные появлением волка, срывались с тормаза, и в страхе, забежав в незнакомые места, пропадали. Опрометчивый охотник, оставшись один в пустыне, тоже нередко погибал. Напротив, умная и хорошо прирученная передовая собака никогда не убежит от хозяина, и даже во время езды, заметив, что ездки свалился, тотчас останавливается и сдерживает прочих собак, или поворачивает назад. В случае же неотыскания хозяина она немедленно бежит к его жилищу. С такой собакой даже во время пурги нельзя заблудиться, за то они и ценятся довольно дорого. Лет 50 или 80 назад, когда в пределах края звероловов было больше, а оленей водилось мало, хорошие ездовые собаки ценились от 200 до 500 руб. асс.» [15, с. 237 -240].

Каждая упряжная собака зимой при хорошей дороге может везти в нарте клади

до 3 пудов на расстояние 50 или 60 верст. С наступлением лета собаки оказывают жителям не менее важную услугу «в отбытии по р. Енисею подвод». Две собаки, пущенные по берегу на длинной бечеве, тянут против течения обыкновенную лодку с грузом в 10 и 15 пудов. Если на пути встречается речка, впадающая в Енисей, собаки ее легко переплывают. Более 50 или 60 верст собаки-бурлаки пробежать не могут, так как сбивают о камни до крови подошвы своих лап. Для предохранения собак от таких повреждений их лапы обвязывают мягкой кожей. То же самое делают и зимой во время крепкого наста. Однако подобные повязки в дороге служат не более 6 или 7 часов. Израненные ноги собак заливают смолой и засыпают пеплом. «Если после продолжительной езды с собакой сделается, по выражению жителей, «шатун» или «накат», то немедленно надрезают ухо или хвост собаки и выпускают несколько крови». В езде собака служит не более 10 или 12 лет [15, с. 237 -240].

Кормят собак преимущественно рыбой, летом сырой, зимой вареной. На каждую собаку в сутки идет до 4 фунтов рыбы. Вяленой рыбы и «халы» до 2,5 фунтов. Когда в рыбе встречается недостаток, делают болтушку из муки. Летом собака требует мало корма, потому что добывает себе в пищу кротов, мышей и даже облинявшую птицу. «Вообще это животное удивительно терпеливо; бывают случаи, когда собака остается без пищи трое или четверо суток» [15, с. 237 -240].

«Замечено, что в северных пределах края почти ежегодно бывает между собаками болезнь – бешенство, оканчивающаяся смертью дня через 3 или 4, в этом состоянии животное отгрызает даже собственные лапы» [15, с. 237 -240].

М.Ф. Кривошапкин, собиравший материалы для своей книги «Енисейский округ и его жизнь» [4] примерно в то же время, что и Третьяков, отмечает, что остяки не едят мясо волка и лисицы, потому что те «похожи на собаку, их единственного друга и помощника, которую уже ни за что не будут есть» [4, с. 134-135]. По сведениям Кривошапкина, собаки остяков зимой живут одних чумах с

хозяевами, следовательно, «грязь, вонь, сырость должны быть непременно принадлежностями таких жилищ, а затем и развитие скорбута (цинги – О.С.)» [4, с. 135]. «Собак своих, так называемых езжалых, остяки очень берегут и кормят остатками своей же пищи, как единственное и полезнейшее у них домашнее животное, потому что оленей у южных остяков вовсе нет, по неимению для них зимой подножного корма, т.е. оленьего мха» [4, с. 135].

П.Е. Островских, его материалы датируются 1899-1904 гг., сообщает, что баишинцы (остяки, туруханские селькупы – О.С.) владели незначительным количеством оленей: редко у кого было 10-12 голов, обычно же 2-3», многие вообще были безоленными [6, с. 166]. Летом баишинцы перекочевывали по воде, а зимой безоленным и малооленным семьям помогали везти груз охотничьи собаки [6, с. 166]. Собаку в качестве тягловой силы баишинские селькупы использовали от бедности: «Алексею Тетерину было 30 лет; семья его состояла из жены, троих сыновей – 10 лет, 6 и 4 л. и девчонки – 3 л. Живет он в яме в окрестностях Туруханска: разгреб снег и обставил стенки елками. У него одна собачонка, помогающая тянуть санку со скарбом. Скарб его составляют: один котел, два топоришка, две чашки, две парки, одна оленья постеля и небольшая санка. В лесу оставлены одно ружьишко, одна ветка и несколько берестяных тисок. Вот и все его имущество» [6, с. 170]. Собаки баишинцев совмещали тягловые обязанности с охотничьими: «Домашним животным им служит одна-две собачонки, по лесу она помогает тащить санку со скарбом, а учует белку, начинает лаять» [6, с. 175]. Нужно заметить, что о езде самих баишинцев на собаках Островских не упоминает.

К. Доннер, предпринявший в 1911-1914 гг. ряд поездок к обским, туруханским и тазовским самоедам (селькупам – О.С.), пишет, что большинство кетских самоедов (группа южных селькупов – О.С.), не имея оленей, используют в качестве ездового животного собак². «Как только в августе и сентябре ложится на поля первый снег, они начинают готовиться к предстоящей охоте. Приводят в порядок нарты или небольшие

² Согласно данным Маслова, Третьякова и Доннера, в XIX и начале XX вв. упряжные собаки активно использовались всем населением Туруханского края и в особенности русскими. Русские промысловики ездили на собачьих упряжках в тундры проверять капканы, жители сел, стоящих на енисейском тракте, исполняли на собаках повинность извоза чиновников, миссионеров и ученых во время их деловых поездок на Север и т.д.

легкие сани, в которые запрягают собак» [3, с. 58]. По материалам Доннера, собаки тазовских селькупов были вхожи в их зимние землянки, где их оставляли ночевать. «Помещение целиком наполнилось людьми, между которыми околачивались стаи злых собак, рычавших по привычке, как только кто-нибудь приближался к их хозяину, что в такой тесноте было просто неизбежно. Многие семьи расположились прямо в помещении, поэтому и день и ночь здесь шумели дети и лаяли собаки, заглушая друг друга» [3, с. 99].

Е.Д. Прокофьева, работавшая среди селькупов вместе с мужем, Г.Н. Прокофьевым, в 1925-1928 гг., в энциклопедическом томе «Народы Сибири» [7] уточняет, что олени и собаки были ездовыми животными у всех северных селькупов — как туруханских, так и тазовских; нарымские (южные) селькупы ездили на собаках и лошадях; езду на оленях в санной упряжке северные селькупы заимствовали после переселения на север у своих новых соседей — ненцев. Прокофьева дублирует наблюдения Островских, подтверждая, что «безоленные селькупы при ходьбе на охоту употребляли ручную нарту, на которой охотник вез продукты питания и боеприпасы. Ручная нарточка (*канджи*) по своей конструкции отличалась от оленной и была сходна с кетской. В эту нарточку в помощь охотнику иногда впрягали собаку» [7, с. 672]. Сведения Прокофьевой не позволяют понять, о каком использовании ездовых собак у северных селькупов идет речь: были они предназначены только для перевозки грузов, или на них также перевозили людей.

В работе Л.Н. Добровой-Ядринцевой «Туземцы Туруханского края» [2] селькупские собаки не упоминаются вовсе, однако в ней содержится информация о малоподвижности безоленных баишенских остяков. «Баишенские остяки указывают обычно один пункт своего местопребывания. <...> Отсутствие оленей сужает круг их промысла белки», — пишет исследователь [2, с. 74]. Эта информация дает основания считать, что баишинцы сами не ездили на собаках, поскольку езда на собаках давала большие возможности в передвижениях. В пользу этой мысли говорит и тот факт, что хорошие ездовые собаки стоили дорого и были бедным селькупам не по средствам.

Информация, приводимая в работах Островских, Доннера, Прокофьевой и

Добровой-Ядринцевой — исследователей, работавших у селькупов на рубеже XIX — начале XX вв., вызывает сомнения в том, что у северных — туруханских и тазовских селькупов в начале XX в. имелось полноценное ездовое собаководство. Также эти авторы не оставили достоверных сведений об использовании собаки в перевозке грузов у тазовских селькупов. Возможно, в прошлом северные селькупы, как и их южные сородичи, и ездили на собаках, но по мере привыкания к заимствованным у ненцев оленям, отошли от ездового собаководства, а богатые оленями тазовские селькупы перестали перевозить на собаке даже грузы: оленеводство оформилось в отрасль экономики северных селькупов к концу XIX в.

На обозначенную проблему проливает свет статья В.Н. Скалона «Собаководство в Туруханском крае» [9], в которой описывается ситуация в туруханском собаководстве конца 1920-х гг. Разбирая состояние пород промысловой, оленегонной и тягловой собаки края, Скалон находит в «изолированной Тазовской тундре» (верхнем и частично среднем Тазе) только беличьих, птичьих и (совсем мало) зверовых собак, чем подтверждает отсутствие на Тазу упряжного (и ездового, и грузового) собаководства. Ученый подчеркивает, что собака как двигательная сила применяется повсюду в русских селениях Туруханского края, включая самые северные станки по Енисею [9, с. 27-28].

Исследователь делает акцент на особенностях развития в крае собачьего транспорта. «Использование лошадей не всегда возможно, а при постоянных заносах и недостатках корма не везде и рентабельно. Отсутствие во многих местах ягельных пространств ставит препятствие к использованию оленя, даже при введении избяного оленеводства, разрешить вопрос может рационально поставленное передвижение на собаках. В это же упирается задача промыслового охвата и эксплуатации бесконечного побережья и островов Северного Ледовитого моря. <...> Берега Енисейского залива, огромные острова и отчасти пространства внутри континента в значительной части лишены оленьих пастбищ. Между тем, эти районы наиболее богаты пушниной и морским зверем, и, рано или поздно, богатства эти должны быть использованы» [9, с. 27-28]. Кроме питания Скалон видит преимущество собаки перед оленем в том, что есть возможность (в

пустынных местах) использовать ее летом как двигательную силу при лодочном сообщении, имея в виду главным образом енисейский тракт «с его увеличивающимся из года в год движением»; в этом собака «превалирует над лошадей, используемой в течение лета лишь на сенокосе». По мнению Скалона, применение собачьего транспорта излечит многие недостатки службы связи при доставке в отдаленные пункты почты и спешных грузов [9, с. 27-28].

В составленный Скалоном перечень территорий, где, как он считает, следовало использовать тягловую собаку, места расселения северных селькупов – тазовских и туруханских – не входят, они не названы им конкретно и не являются местами, где нет оленьего корма. Наоборот, там, где проживают селькупы, много оленьих ягельников; с приходом советской власти у северных селькупов были основаны колхозы, впоследствии преобразованные в совхозы, в которых получило развитие крупностадное оленеводство; советская власть руководила этим процессом и всячески его стимулировала. Этот вывод позволяет заключить, что в начале XX в. у обеих групп северных селькупов ездового оленеводства не было.

Статья Скалона содержит еще несколько интересных замечаний по различным вопросам туруханского собаководства. В частности ученый критикует примитивность применяемой в крае собачьей упряжи и сбруи, которая не дает сколько-нибудь полезного коэффициента ее использования, и отсутствие у населения знания элементарных приемов выучки возовой собаки [9, с. 27-28].

Исследователь обращает внимание на то, что нигде в крае состояние пород промысловых, оленегонных и тягловых лаек не стоит на должной высоте. Причиной тому он называет появление «вымесок», т.е. собак беспородных кровей, и, в изолированных районах, вырождение породы от скрещивания внутри собачьего стада [9, с. 27-28].

Для улучшения породы лайки Скалон предлагает принять несколько мер административного характера: учредить налог на беспородных и инопородных собак; ввести

обязательную кастрацию и цепное содержание собак, не могущих быть использованными на племя; организовать на территории края три питомника – для промысловых, оленегонных и тягловых собак. Питомники, по мысли Скалона, будут удовлетворять потребности края в северных собаках и поставлять собак на экспорт, поскольку «у заграницы есть интерес к нашим лайкам» [9, с. 27-28].

Решить проблему собачьих кормов, по мнению Скалона, помогут отходы постепенно развивающегося в крае дельфиньего промысла. «Огромные туши прекрасного мяса не идут впрок и могут быть заготовлены в слегка подсоленном или сушеном виде, по самым дешевым ценам» [9, с. 27-28].

Итак, результатом исследования проблемы упряжного собаководства северных селькупов стали следующие выводы. Было установлено, что на собачьих упряжках остяки совершали семейные перекочевки на промысловые угодья и объезды поставленных на зверя ловушек в середине XIX в. и ранее. К началу XX в. ни у тазовских, ни туруханских селькупов собственно ездового собаководства уже не было. С упряжным собаководством северные селькупы, вероятно, были знакомы давно и привезли его с исторической родины при переселении на Север. Его исчезновение, предположительно, связывается с развитием у них оленеводства, замещавшего у новых соседей – ненцев, а также дороговизной хороших упряжных собак. Материалы свидетельствуют, что в начале XX в. собаку использовали только туруханские селькупы и только для перевозки грузов. У тазовских селькупов для перевозки людей и грузов использовались олени. Безоленные или малооленные бедняки, восполняя недостаток необходимых им оленей, брали их взаймы у зажиточных родственников за долю в пушной добыче [8].

Как утверждают современные информанты с Таза, тазовские селькупы никогда раньше не ездили на собаках и не возили на них грузы, также не было у них ручной нарты. «Дети на детские снегоходы без мотора щенков завязывают и так катаются. А взрослые собак никуда не впрягают – зачем, у нас олени для этого есть», – говорят они³.

Список литературы

1. Андреев А.И. «Описания о жизни и упражнении обитающих в Туруханской и березовской округах разного рода ясачных иноверцах // Советская этнография. № 1, 1947. С. 84-103

³ Полевые материалы автора, собранные в 2021 г. в Красноселькупском районе Тюменской области.

2. Доброва-Ядринцева Л.Н. Туземцы Туруханского края: опыт исследования экономического положения. Новониколаевск: Издание Сибревкома. 1925. 101 с.
3. Доннер К. У самоедов в Сибири. Томск: Ветер, 2008. 176 с.
4. Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб: Имп. Рус. геогр. о-во, на иждивении В.А. Кокорева. 1865. 661 с.
5. Маслов. Бродящие народы Туруханского края. Отрывок из статистических записок Енисейской губернии // Заволжский муравей. Казань. № 9, 1833. С. 506-523.
6. Островских П.Е. Баишенские «остяки» (остяко-самоеды) Туруханского края в конце XIX в.// Советский Север. № 7-8. 1931. С. 161-181.
7. Прокофьева Е.Д. Селькупы // Народы Сибири. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. С. 665-687
8. Скалон В.Н. Оленеводство в бассейне реки Таза // Советский Север. № 3-4. 1931. С. 70-87
9. Скалон В.Н. Собаководство в Туруханском крае // Охотник и рыбак Сибири. № 11, 1930. С. 27-28
10. Степанова О.Б. Злая или добрая: к вопросу о главном мифологическом образе селькупов // Омский научный вестник, 2006. № 8. С. 52-55.
11. Степанова О.Б. Особенности современного хозяйственно-культурного положения коренных народов Севера Красноселькупского района Ямало-Ненецкого автономного округа// Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы Шестых Сибирских Чтений. Санкт-Петербург, 27-29 октября 2004 г. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 167-173
12. Степанова О.Б. Отношения государства и коренных малочисленных народов Севера в начале XXI в. в Красноселькупском районе ЯНАО // Вестник угроведения. № 2. 2018. С. 365-374.
13. Степанова О.Б. Селькупы села Совречка // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 3 (30). 2015. С. 126-134.
14. Степанова О.Б. Социальная политика государства по отношению к коренным малочисленным народам Севера в начале XXI в. (на примере северных селькупов) // Социальные отношения в историко-культурном ландшафте Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 349-444.
15. Третьяков П. И. Туруханский край, его природа и жители. СПб.: Тип. Безобразова, 1871. 316 с.

TO THE HISTORY OF DRAFT DOG BREEDING OF THE NORTHERN SELKUPS

The article is devoted to the study of draft dog breeding of the Northern Selkups. This topic still remains a blank spot in ethnographic science, which emphasizes its scientific novelty. The study was carried out as part of the actual practical task of preserving the traditional Selkup culture and helping the modern peoples of the North in the search for new forms of ethnicity. Analysis, description, historical retrospective method and field work were used as research tools. The study was based on scientific literature data and field materials of the author. The objectives of the study were to clarify the historical features of draft dog breeding - actually sledding and cargo - among two groups of northern Selkups - Turukhansk and Taz. As a result of the study, the following conclusions were drawn. It was established that the Ostyaks used dog sleds to make family migrations to fishing grounds and detours of traps set for the beast in the middle of the 19th century. and earlier. By the beginning of the twentieth century. neither the Taz nor the Turukhan Selkups actually had sled dog breeding. The northern Selkups were probably familiar with draft dog breeding for a long time and brought it from their historical homeland when they moved to the North. Its disappearance is presumably associated with the development of reindeer breeding among them, borrowed from their new neighbors - the Nenets, and also, in part, with the high cost of good draft dogs. The evidence shows that at the beginning of the XX century. the dog was used only by the Turukhansk Selkups and only for the transport of goods. The Taz Selkups used deer to transport people and goods. Deerless or low-deer poor people, making up for the lack of deer they needed, borrowed them from wealthy relatives for a share in fur production. Modern informants from Taz claim that the Taz Selkups had never ridden dogs and carried loads on them, and they also did not have a manual sled.

Keywords: Northern Selkups, Taz Selkups, Turukhansk Selkups, draft dog breeding, history of draft dog breeding, reindeer breeding, breeds of northern dogs.

References

1. Andreev A.I. (1947) «Opisaniya o zhizni i uprazhnenii obitayushchikh v Turukhanskoy i berezovskoy okrugakh raznogo roda yasachnykh inovertsakh» [«Descriptions about the life and exercise of various kinds of yasak non-believers living in the Turukhansk and Berezovskaya districts»]. In Soviet ethnography, 1, 1947, 84-103.

2. Dobrova-Iadrinseva L. N. (1925) Tuzemtsy Turukhanskogo kraia: opyt issledovaniya ekonomicheskogo polozheniya [The natives Turukhansk: edge economic research experience]. Novonikolaevsk: Sibrevkom, 1925, 101.
3. Donner K. (2008) U samoyedov Sibiri [At the Samoyeds of Siberia]. Tomsk: Veter, 2008, 175.
4. Krivoshapkin M.F. (1865) Yeniseyskiy okrug i yego zhizn' [Yenisei district and its life]. St. Petersburg: Imp. Rus. geogr. o-vo, na izhdivenii V.A. Kokoreva, 1865, 661.
5. Maslov. (1833) Brodyashchiye narody Turukhanskogo kraya. Otryvok iz statisticheskikh zapisok Yeniseyskoy gubernii [Wandering peoples of the Turukhansk region. An excerpt from the statistical notes of the Yenisei province]. In Zavolzhskiy muravey. Kazan, 9, 1833, 506-523.
6. Ostrovskiyh P.E. (1931) Baishenskiye ostyaki (ostyako-samoyedy) Turukhanskogo kraya v kontse 19 v. [Baishen Ostyaks (Ostyak-Samoyeds) of Turukhansk Territory at the end of the 19th century]. Soviet North, 7-8, 1931, 170.
7. Prokofieva E. D. (1931) Sel'kupy [Selkups]. Narody Sibiri [Peoples of Siberia]. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1956, 665-687.
8. Skalon V. N. (1931) Olenevodstvo v basseine reki Taza [Reindeer in Taz Basin]. In Soviet North, 3-4, 1931, 70-87.
9. Skalon V.N. (1930) Sobakovodstvo v Turukhanskom krae [Dog breeding in the Turukhansk region]. In Hunter and fisherman of Siberia, 11, 1930, 27-28.
10. Stepanova O.B. (2006) Zlaya ili dobraya: k voprosu o glavnom mifologicheskome obraze sel'kupov [Evil or kind: to the question of the main mythological image of the Selkup]. In Omsk Scientific Journal, 8, 2006, 52-55.
11. Stepanova O.B. (2005) Osobennosti sovremennogo khozyaystvenno-kul'turnogo polozheniya korennykh narodov Severa Krasnosel'kupskogo rayona YaNAO [Features of the modern economic and cultural situation of the indigenous peoples of the North of the Krasnoselkup district of the YaNAO]. Kul'turnoye naslediyе narodov Sibiri i Severa: Materialy Shestykh Sibirskikh Chteniy. Sankt-Peterburg, 27-29 okt. 2004 g. [Cultural Heritage of the Peoples of Siberia and the North: Materials of the Sixth Siberian Readings. St. Petersburg, October 27-29, 2004]. St. Petersburg: MAE RAN, 2005, 167-173.
12. Stepanova O. B. (2018) Otnosheniya gosudarstva i korennykh malochislennykh narodov Severa v nachale XXI v. v Krasnosel'kupskom rayone YANAO [Relations between the state and the indigenous peoples of the North at the beginning of the 21st century in the Krasnoselkupsky District of the Yamalo-Nenets Autonomous District]. In Vestnik ugrovedeniya, 2018, 2, 365-374.
13. Stepanova O.B. (2015) Sel'kupy sela Sovrechka [Selkupy village Sovrechka]. In Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii, 3, 2015, 126-134.
14. Stepanova O.B. (2017) Sotsial'naya politika gosudarstva po otnosheniyu k korennym malochislennym narodov Severa v nachale XXI v. (na primere severnykh sel'kupov) [Social policy of the state in relation to the indigenous peoples of the North at the beginning of the XXI century (on the example of the northern Selkups)]. Sotsial'nyye otnosheniya v istoriko-kul'turnom landshafte Sibiri [Social relations in the historical and cultural landscape of Siberia]. Sankt-Petersburg: MAE RAS, 2017, 349-444.
15. Tret'yakov P.I. (1871) Turukhanskiy kray, yego priroda i zhiteli [Turukhansk region, its nature and inhabitants]. Sankt-Petersburg: Bezobrazova Press, 1871, 316.

Об авторе

Степанова Ольга Борисовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия)

Stepanova Olga Borisovna – Candidate of Science in History, Senior Researcher, Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS (Russia)